

Перед взором предстал молодой господин: лицо его, миниатюрное и изящное, обрамляли иссиня-черные волосы, наполовину собранные в высокий хвост и скрепленные золотым венцом. Он не использовал вычурных шпилек, его длинные брови уходили к самым вискам, а разрез глаз был тонким и удлинённым. В его взгляде мерцал едва уловимый, необычный отблеск. Высокая переносица завершалась аккуратным кончиком, а алые губы были тонки, словно лезвие клинка. Лун Юй облачился в одеяние цвета «лунной белизны» с нежно-голубым отливом; лазурный пояс подчеркивал его стройный стан. К поясу была подвешена пластинка безупречного белого нефрита с искусной резьбой в виде Яцзы — дракона-защитника. Темно-фиолетовая кисть, свисающая с украшения, была, пожалуй, единственным ярким пятном в его облике. От шеи к левой скуле тянулся причудливый узор — незнакомый, но удивительно уместный, он придавал его лицу особое очарование.

Этот юноша не пользовался ни пудрой, ни румянами, не подводил брови и не красил губы. Его наряд был прост, и всё же он казался ослепительно ярким. Но если красота Шэнь Вэйи была вызывающей и мимолетной, то Лун Юй обладал истинным изяществом. Красота Шэнь Вэйи ошеломляла лишь в первый миг, но при ближайшем рассмотрении оказывалась пустой и напускной — лишь результатом тщательных стараний перед зеркалом.

Лун Юй же был прекрасен от природы. В его облике чувствовалась глубина, накопленная годами: спокойствие, переходящее в холодность, и даже некое равнодушие. Он походил на кусок ценного холодного нефрита — неприступный и уникальный. Шэнь Вэйи, при всей своей вычурности, и в подметки ему не годился.

— Вы кто такой? — Шэнь Вэйи долго разглядывал незваного гостя, и лицо его с каждым мгновением становилось всё мрачнее.

Лун Юй окинул его равнодушным взглядом и промолчал, вновь опустив взор к чаше с чаем. Это неприкрытое пренебрежение взбесило Шэнь Вэйи, однако он сдержался и выдавил из себя подобие любезной улыбки:

— Я — Шэнь Вэйи, законный муж главы семьи У. Позвольте узнать, как величать вас, молодой господин?

Стоило ему упомянуть титул «законного мужа», как лавочник Сунь негромко хмыкнул — видать, за этими словами крылась какая-то тайна.

Лун Юй лишь мельком глянул на Цай Аня, и тот мгновенно сообразил, что делать.

— Вам незачем знать имя нашего юного господина, — отрезал слуга, не заботясь о вежливости.
— Да и чести такой вы не заслужили.

Улыбка застыла на лице Шэнь Вэйи. Но следующие слова Цай Аня ранили ещё сильнее:

— Раз уж вы называете себя законным мужем, отчего же на вашем поясе нет нефрита? Только

ароматический мешочек?

В стране Бяньюэ обычай был строг: законный супруг обязан носить на поясе нефрит — будь то пряжка или подвеска с кистью. Ароматические же мешочки дозволялись лишь наложникам и младшим слугам. У Шэнь Вэйи действительно висел лишь расшитый шелк, хотя узор его «цветочной родинки» между бровей уже давно превратился в брачный орнамент.

Шэнь Вэйи на миг поморщился, но он тут же взял себя в руки:

— Выходил в спешке, вот и позабыл.

Он глянул на небо, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

— Время позднее, у меня еще дела. Передайте Лояну, чтобы не задерживался и скорее возвращался в поместье.

Договорив, он поспешно удалился. По тому, как он почти бежал, было ясно: тот спасается бегством.

— У него что, не всё в порядке с головой? — негромко произнес Лун Юй с легкой усмешкой.

— Ох, молодой господин, вы попали в самую точку! — закивал лавочник Сунь. — С головой у этого Шэнь Вэйи и впрямь беда!

— Дядя Сунь, присядьте, выпейте с нами чаю, — предложил Лун Юй.

Цай Ань тут же наполнил чашу. Аромат напитка был настолько глубоким и чистым, что лавочник не устоял.

— Ну, тогда не обессудьте, — он сначала вдохнул аромат, сделал глоток и восхищенно выдохнул: — Превосходный чай!

Заметив на себе взгляды Лун Юя и Яи, он смущенно кашлянул и начал рассказ:

— Этот Шэнь Вэйи — единственный сын в своей семье. Лицом вышел, ничего не скажешь, да вот беда — спутался со старшим господином У. В наложники идти не захотел, так и выжил законного супруга из дома. Теперь повсюду твердит, что он — единственный хозяин в семье У. А ведь прежний муж... Золотой был человек! Красавец, нрава кроткого. Вошел в семью еще юношей, когда старики У тяжело болели. Обоих выходил, проводил в последний путь, все лавки на себе тянул. Да, детей не было долго, но разве за одну преданность его не стоило ценить? А господин У взял и сотворил такое непотребство!

Лавочник Сунь тяжело вздохнул. Город Байюй хоть и велик, но слухи в нем разносятся быстро. Его семья дружила с родней того самого отвергнутого супруга — Фанг Лояна. И он прекрасно понимал: господин У Ци осмелел лишь потому, что у Лояна не осталось заступников.

Лун Юй лишь сокрушенно покачал головой. Яи накрыл его ладонь своей, безмолвно поддерживая. Лица стареют, а сердца меняются — увы, история эта была стара как мир.

Лавочник хотел было попросить еще чаю, но из кухни прибежали с какими-то хлопотами, и ему пришлось откланяться. Едва он ушел, в трактир вошел А-Мо вместе с маклером. Тот принес с собой несколько свитков с чертежами.

— Как величать вас, уважаемый? — осведомился Яи, пока Лун Юй изучал бумаги.

— Фамилия моя Лю, — маклер исподтишка разглядывал па́ру. Еще когда он увидел А-Мо, то понял: хозяева у того непростые. Теперь же, увидев их воочию, он убедился в этом окончательно.

Лун Юй нахмурился, перелистывая чертежи.

— Почему все эти лавки в самых шумных кварталах?

— Молодой господин, так ведь для торговли это лучшие места! Самые оживленные улицы!

— Брат Лю, а вы знаете, какую именно лавку я хочу открыть? — Лун Юй с улыбкой взглянул на него.

— Э-э... — маклер покосился на А-Мо, но тот увлеченно разглядывал носки своих сапог, всем видом показывая: «Обувь знатная, глаз не оторвать».

— Я собираюсь открыть книжную лавку. Вы считаете, шумный базар для этого подходит? — мягко спросил Лун Юй. — К тому же мне нужен отдельный дом с собственным двором. А-Мо, ты опять забыл?

А-Мо еще ниже опустил голову. Даже если господин и впрямь ничего такого не говорил, спорить было бесполезно: «Раз хозяин сказал "забыл" — значит, забыл. Хоть убейте, виноват! Ох, горе мне...»

Маклер Лю поспешно достал другие чертежи. Лун Юй долго перебирал их и наконец остановил выбор на одном доме на улице Цзиньхуа. Здание было похоже на те, что он выбирал раньше: небольшой двухэтажный дом, где оба этажа можно было отвести под торговлю, а за ним располагался просторный двор с восемью комнатами. Цена для города Байюй была вполне разумной.

— Позвольте спросить, молодой господин, не боитесь ли вы прогореть в таком месте? — осторожно заметил маклер. — Место это не самое бойкое, тиховато там. Те, кто снимал его раньше, долго не задерживались.

— Брат Лю, книжной лавке как раз и нужна тишина. К тому же через улицу оттуда находится крупнейшая академия в городе. С чего бы нам нести убытки? — Лун Юй переглянулся с Яи, и улыбка его стала шире. — А впрочем, даже если и прогорим — невелика беда. Так, пустяки.

Маклер окончательно уверился: перед ним супруги, которые повздорили с родней и сбежали из дома развестись. Деньги их явно не заботили. Он даже немного пожалел, что запросил слишком низкую цену.

— Сперва осмотрим дом, — предложил Яи. — На бумаге всё выглядит гладко, а на деле может быть иначе.

Цай Ань хотел расплатиться за обед, но вернувшийся лавочник Сунь преградил ему путь.

— Дядя Сунь, что это значит? — вскинул бровь слуга.

— Господа, наберусь смелости просить вас... — лавочник замялся. — Не могли бы вы продать мне немного этого чая?

Маклер Лю негромко хмыкнул — старый Сунь, обычно прижимистый, сейчас покраснел как рак от собственного смущения.

— Простите, дядя Сунь, но этот чай мы выращиваем сами. Урожай невелик, едва хватает нашему молодому господину, — вежливо отказал Цай Ань. Предлагать этот чай чужим было опасно — ведь он не принадлежал этому миру.

— Ничего, ничего, — поспешно замахал руками лавочник. — Считайте, что мы просто подружились. Обед за мой счет.

— Ну раз так... — Лун Юй знаком остановил Цай Аня, который уже собирался настоять на оплате. — У меня есть с собой немного жасминового чая. Примите его в дар.

Цай Ань тут же подал небольшую керамическую баночку.

— Это не просто чай, окуранный жасмином, — добавил Лун Юй. — Он приготовлен из свежих цветов. Вкус у него очень густой, не знаю, придется ли вам по нраву.

— Неужели и впрямь из свежих цветов? — лавочник просиял. Он открыл крышку, и по комнате мгновенно разлился густой, дурманящий аромат жасмина. — Какое благоухание!

— Рад, что вам понравилось. Заходите к нам, когда мы откроемся, — промолвил Яи, беря Лун Юя за руку.

— Обязательно приду! — провожал их до самых дверей лавочник.

Он не заметил, что у лестницы на второй этаж стоял Фанг Лоян. Тот, не мигая, провожал взглядом спины уходящих, и он смотрел со странной смесью обиды и гнева.

Улица Цзиньхуа, несмотря на пышное название, оказалась тихим местом. Здесь в основном жили люди, а лавок было совсем мало. Соседство с академией привлекало сюда ученых мужей и студентов, которые ценили покой. Кроме того, неподалеку располагались даосский храм и зал для медитаций — многие старики селились здесь на время, чтобы, как они говорили, «совершенствоваться».

Лун Юй этого не понимал. В его представлении те, кто ищет истину, должны уходить в горы, подальше от мирской суеты, а не селиться в двух шагах от базара. «Так ведь и дух недолго растерять», — подумал он.

Дом ему понравился. Прежние жильцы съехали недавно, так что серьезного ремонта не требовалось — только прибраться да расставить мебель. Лун Юй быстро подписал бумаги, расплатился и велел А-Мо и Цай Аню приниматься за уборку.

Он и не подозревал, что те двадцать золотых монет, которые он так беспечно бросил нищим у ворот, уже начали приносить свои плоды.

В полуразрушенном храме Земли на окраине города нашли приют бродяги.

— Дедушка, смотри! Это настоящее золото? — тонкий детский голосок нарушил тишину. Мальчик на грязной ладошке протягивал монету.

Монета была круглой, с квадратным отверстием посередине. На лицевой стороне красовались четыре иероглифа: «Мир, радость, благоденствие». На обороте, по углам, были выбиты четыре летучие мыши — символы счастья. Старый нищий прищурился, взял монету и, найдя клочок красной нити, продел её в отверстие. Затем он осторожно надел украшение на шею внуку.

— Это «Монета Мира», дитя. Она приносит удачу. Береги её.

— Угу! — закивал мальчик.

— Давно я не видел таких монет... Ты не заметил, кто их раздавал? — спросил старик.

— Нет, дедушка. Видел только карету. На ней был очень странный знак. Если увижу еще раз — обязательно узнаю!

— Хорошо. Как увидишь — сразу беги ко мне, — старик ласково погладил внука по голове. — Запомнил?

— Запомнил!

«Монеты Мира» считались священными. Если ребенок рождался слабым или судьба его была туманна, родители отливали тысячу таких монет из золота. Затем они находили тысячу младенцев и выменивали каждую монету на прядь их волос. Из этих волос и красных нитей плели браслет — считалось, что такая защита уберезет дитя от любой беды.

Когда Лун Юй родился, его жизненные силы были на исходе. Чжэнь Яо тогда отлила для него тысячу монет из чистейшего золота. Это называлось «Обещание ценою в тысячу золотых».

Для Лун Юя такие монеты были делом привычным, и он раздавал их, не задумываясь. Но в этом мире золото было золотом, а «Монета Мира» — знаком судьбы. И если Лун Юй просто делился удачей, то кто-то другой уже начал собирать эти крупички воедино.

<http://bllate.org/book/17533/1707741>